

А.Д. Сабова

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг. ФРАНЦУЗСКИМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Анализируется специфика освещения французскими газетами событий войны между Россией и Японией в 1904–1905 гг. На основе публикаций корреспондентов четырех газет из архива Национальной библиотеки Франции рассматриваются приемы, при помощи которых у европейской аудитории формировалось представление о военном конфликте и о самом дальневосточном регионе в целом. Делается вывод о значимости роли репортера при выстраивании информационной стратегии французской прессой в 1904–1905 гг.

Ключевые слова: Русско-японская война; журналистика; Франция; Дальний Восток; репортаж.

Введение

Освещение событий Русско-японской войны 1904–1905 гг. оказало существенное влияние на развитие отечественной и зарубежной прессы. На страницах русской периодики со стороны правящих кругов впервые была предпринята попытка целенаправленного формирования общественного мнения. В то же время для многих западных стран освещение войны между Японией и Россией стало новым этапом в развитии информационной прессы, на котором были опробованы ранее неизвестные методы передачи сведений в сжатые сроки, жанры и способы коммуникации с читателями. В этом отношении особый интерес представляют газеты Франции, которая стала одной из немногих западных стран, открыто выразивших поддержку русской стороне. Стремясь сформировать положительный облик России в глазах читателей, на первых этапах вооруженного конфликта французские газеты опирались преимущественно на сообщения из английских, русских, немецких и американских газет и телеграфных агентств. По мере его развития ведущие парижские периодические издания практически одновременно приняли решение отправить более десяти корреспондентов на место событий. Это событие имело значение не только для национальной прессы: обозначив оформление жанра военного репортажа и поспособствовав профессионализации французской печати в целом, наглядные и документально точные свидетельства французских корреспондентов существенно повлияли на восприятие конфликта на Дальнем Востоке в глазах европейских читателей.

Цель настоящего исследования – выявить особенности освещения войны между Россией и Японией 1904–1905 гг. на основе публикаций в четырех французских газетах (*Le Journal* и *Le Matin* относятся к категории прессы для массовой аудитории, газеты *Le Figaro* и *Le Temps* нацелены на более узкий круг читателей). Таким образом, в качестве эмпирической базы исследования рассматривается подборка выпусков, размещенных в цифровом архиве Gallica Национальной библиотеки Франции. Особое внимание уделено публикациям, которые отражают ранний этап развития конфликта (27 января – 10 февраля 1904 г.) и отдельные эпизоды войны (обстрел Порт-Артура в январе-феврале 1904 г. и битва при Ляояне 24 августа – 4 сентября 1904 г.). Всего в ходе исследования рас-

смотрено 15 выпусков газеты *Le Matin*, 15 – *Le Journal*, 10 выпусков *Le Figaro*. Данные публикации ранее полностью не переводились на русский язык и представляются научному сообществу впервые. Историко-генетический метод и сравнительный подход позволяют рассмотреть жанр военного репортажа в его становлении, а также обозначить и проиллюстрировать ключевые характеристики французской модели этого жанра.

В отечественной литературе обозначенный период в развитии французской печати чаще всего рассматривается как этап становления массовой журналистики, сопряженный с дифференциацией и усложнением методов борьбы за читателя [1, 2]. Некоторые исследования посвящены истории становления профессии журналиста [3] и издателя ежедневных газет [4]. Также можно выделить несколько направлений исследований, разрабатываемых французскими историками медиа. Во-первых, это работы, затрагивающие непосредственно вопросы формирования жанра и адаптации репортеров к работе в условиях военных действий [5–7], а во-вторых, нас будут интересовать исследования, представляющие собой комплексный анализ профессии в обозначенный период [8]. В отдельную группу работ можно включить исследования, посвященные развитию печати обозначенного периода в целом [9–11].

Военный и политический аспекты конфликта неоднократно становились предметом научной рефлексии. Не так давно исследователи стали уделять внимание и проблеме формирования общественного мнения о конфликте: исследователи обращали внимание на «механизмы его формирования, анализ выбранной правительством стратегии» [1. С. 3] на материале региональной прессы Сибири и Дальнего Востока. В настоящей статье впервые прослеживается стратегия формирования общественного мнения, выбранная французской прессой при освещении Русско-японской войны.

Специфика освещения военных конфликтов во французской прессе до XX в.

Представление о работе военного корреспондента сложилось во французской печати гораздо позднее, чем, к примеру, в англо-саксонской, с которой традиционно связывают происхождение самой репортаж-

ной журналистики во Франции. Если в Великобритании первыми профессиональными военными корреспондентами было принято называть журналистов, освещавших события Крымской войны 1853–1856 гг. (в частности Уильяма Говарда Рассела, корреспондента *The Times*), а на северо-американском континенте всплеск военной журналистики связан с Гражданской войной 1861–1865 гг., то крупнейшие французские издания вплоть до 1870-х гг. лишь в исключительных случаях отправляли своих корреспондентов за пределы столицы для сбора информации и подготовки материала, в том числе и на тему вооруженных конфликтов.

Отчасти это было связано с профессиональной подготовкой французских журналистов, среди которых лишь немногие рассматривали сотрудничество с периодическими изданиями как свою основную профессию. Согласно «Всеобщему словарю современников», по состоянию на 1858 г. не менее 44% журналистов в Париже происходили из аристократических семей или из кругов богатой буржуазии. Таким образом, большинство французских журналистов воспринимали свою работу как способ вырваться из той среды, с которой связаны по праву рождения, как необходимый, но временный этап на пути к карьере политика либо писателя.

Исторически сообщения о развитии вооруженных конфликтов поступали во французские газеты из правительственных источников. Так, в XVII в. подконтрольная королевской власти *La Gazette*, выходившая под редакцией Теофраста Рендо, публиковала сообщения о военных походах, составленные самим королем Франции Людовиком XIII на основе информации, предоставленной кардиналом Ришелье. По этой причине некоторые исследователи, например S. Haffemaeyer, называют первым военным корреспондентом в истории французской печати именно Людовика XIII, который непосредственно участвовал в жизни газеты (, 2004). В измененном виде эта традиция сохранилась и при Директории (1795–1797 гг.), когда сообщения генерального штаба транслировали два издания: *Le Moniteur* и *Le Journal des défenseurs de la patrie*; а в первой трети XIX в. периодическое издание *Bulletin de la Grande Armée* (приложение к газете *Le Moniteur universel*) сообщало обо всех военных победах, планах армии Наполеона и действиях ее противников.

На протяжении XIX столетия французские читатели черпали основную информацию о боевых действиях (передвижение армий, сражения и их итоги) в основном из официальных коммюнике правительства и депеш либо целых статей, перепечатанных из иностранной периодики, прежде всего британской. К примеру, одно из ключевых сражений Крымской войны (речь об Инкерманском сражении 25 ноября 1854 г.) освещалось на первой полосе парижской газеты *Journal des débats* посредством перевода отчета корреспондента *The Times*, на второй полосе размещены отрывки из статей корреспондентов *The Daily News*, *The Morning Chronicle*, *The Globe*, *The Morning Post*, четырех немецких, одной австрийской и русской газеты. Новости от французского агентства *Havas* и

сообщения от журналистов самой газеты находим лишь на третьей полосе. Также газеты нередко обращались к корреспондентам, постоянно сотрудничавшим с ними из-за рубежа и имевшим возможность оказаться на месте событий.

Переломным моментом для французской прессы стал 1870 г., когда сразу после смягчения цензуры и правительственного контроля над военной информацией, у аудитории впервые появилась возможность следить за тем, как «практически день за днём» [7. С. 213] развивается война Франции и Пруссии – благодаря усилиям первых военных корреспондентов французских газет. Параллельно с информационными сообщениями о наступлении прусской армии, об отдельных сражениях и подготовке Парижа к осаде развивался и репортажный стиль освещения войны.

Таким образом, к концу XIX в. во французской прессе закрепился двоякий подход к освещению военных действий. Первые полосы ведущих французских газет стали разделять новостные депеши из зарубежных изданий или телеграфных агентств и развернутые репортажи либо интервью от французских корреспондентов. Постепенно именно за репортажами закрепилась роль текстов, дублирующих и поясняющих официальную информацию о происходящем на театре военных действий.

Освещение Русско-японской войны во французской прессе на раннем этапе

Война, начавшаяся между Россией и Японией в 1904 г., вызвала заметный резонанс как в российской, так и зарубежной прессе [12]. Наиболее однозначно свою позицию выразили газеты Великобритании и США, которые, в соответствии с правительственным курсом, открыто поддерживали Японию и обвиняли Россию в развязывании конфликта, еще накануне называя неизбежным поражение российского флота из-за неподготовленности самой армии и ее руководства к боевым действиям на столь отдаленном рубеже империи. Более того, саму Русско-японскую войну сопоставляли «с испано-американской войной 1898 г., а Россия с Испанией, прямо говоря, о повторении российским правительством испанских ошибок» [13. С. 121]. Одним из наиболее ярких проявлений анти-русских настроений являлись карикатуры в таких американских журналах, как *Puck* накануне войны, который еще в 1903 г. критиковал стремление России проникнуть в Маньчжурию, и *Judge*, иллюстрации которого в 1905 г. напоминали, что вместе с русским флотом Япония потопила русскую тиранию и жестокость [14].

На фоне прояпонских настроений, разделяемых большинством западных стран, отношение Франции к конфликту представляется более сложным. С одной стороны, французская пресса активно поддерживала Российскую империю, поскольку страна являлась «главным кредитором царского правительства и поддерживать русских – значило поддерживать свои вложения» [13. С. 120]. С другой стороны, на протяжении всей войны (особенно на раннем этапе конфликта) основным источником информации для

французских изданий были иностранная пресса и телеграфные агентства. Перепечатывая их сообщения, газеты стремились сохранять информационный баланс и предоставлять слово обеим сторонам конфликта. Однако если обратить внимание на подборку упоминаемых изданий, становится очевидно, что британские источники лидируют по частоте цитирования. Так, газета *Journal* в выпуске за 9 февраля 1904 г. (т.е. за день до первого вооруженного столкновения) перепечатала депеши из британских *The Daily Chronicle*, *The Morning Post*, *Daily Telegraph*, *Daily Graphic*, *The Times*, на втором месте по частоте цитирования – немецкие газеты, на третьем – русские («Биржевые ведомости» и «Петербургские ведомости»), на последнем – американская *The Sun* и итальянская *Popolo Romano*. На следующий день, 10 февраля, информацию об обстреле Порт-Артура французские газеты чаще всего заимствовали из британских источников (*Daily Mail* и *Standard* – перепечатывались как отдельные публикации, так и депеши от информаторов изданий в Токио и Нагасаки), за ними следуют депеши «Русского телеграфного агентства» и публикации «Русского вестника» (из него перепечатаны целиком две депеши и целое коммюнике). Заимствованные из иностранной прессы сообщения занимают большую часть первой и третьей полосы, целиком отведенных под новостной отдел.

При этом особенно на раннем этапе освещения конфликта французскую прессу отличало стремление в равной мере отразить позиции обеих сторон. Качественные издания, нацеленные на более узкий круг образованных и требовательных читателей, для этой цели обращались не только к новостным сообщениям, но и к интервью. Так, газета *Le Figaro* напечатала интервью с японским чиновником в Лондоне (источник – агентство *Havas*): собеседник уверяет, что «если бы Япония действительно хотела войны, боевые действия уже давно бы имели место. Напротив, Япония горячо желает мира» [15. С. 2]. Не переводя разговор в косвенную речь, издание привело прямые цитаты, «сталкивая» на одной полосе совершенно противоположные заявления. После разрыва дипломатических отношений между Россией и Японией *Figaro* опубликовало сразу три интервью. Министр Японии в Париже настаивал на том, что его страна не желает войны: «Уверяю вас, что нота, переданная моим правительством, не содержала ничего, что Россия не могла бы принять. Правда в том, что Россия хочет войны». В русском посольстве в Париже утверждали обратное в ответ на вопрос французского журналиста о том, если ли надежда на мирное разрешение конфликта: «Никакой. Это война. Японцы хотели ее». Для создания полноценной картины газета привела слова официального представителя Кореи, невольно оказавшейся в опасной близости от театра военных действий: «Я знаю, что Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. Учитывая национальный подвиг, который захватил Японию, эта новость меня не удивила. Как и всем, мне страшно – увы! – что русская и японская армии встретятся в Корее» [16. С. 1].

Таким образом, качественная французская пресса, даже избегая категоричности, открыто выражала под-

держку Российской империи. К примеру, в более ранней статье та же газета подробно проанализировала расстановку сил на Дальнем Востоке. Сопоставляя русскую и японскую армии, *Figaro* отдавала предпочтение первой и называла «безрассудством» со стороны Японии нападать на страну, «армия которой веками доказывала свою силу» [17. С. 2] в крупных сражениях.

Схожая картина наблюдалась и в массовой прессе. Нацеленные на крайне широкую публику и, соответственно, выходящие огромным тиражом, массовые газеты избирали более жанрово разнообразный подход к освещению конфликта, тем не менее придерживаясь той же стратегии, что и качественная пресса. Газета *Le Matin*, входящая наравне с *Le Journal* в четверку ведущих изданий этой категории, также публиковала серию интервью с представителями дипломатических кругов, предлагая каждой стороне изложить свой взгляд на конфликт. В рубрике «По направлению к войне» 5 февраля появилось интервью с японским посланником в Лондоне виконтом Хаяши, которое в виду его категоричности вскоре было перепечатано другими парижскими газетами: «Если Россия откажется подписать этот договор (о признании независимости Китая в Манчжурии. – А.С.), мы будем драться» [18. С. 1], – утверждал японский посланник. На следующий день в газете были опубликованы отзывы представителя русской дипломатии в Париже: «Язык виконта Хаяши настолько неподходящий для дипломатических кругов, что мы можем объяснить его лишь крайней нервозностью. Без сомнений, виконт не выспался» [19. С. 1]. Из-за резонанса, которое интервью имело во французских изданиях, журналист газеты повторно обратился к виконту, чтобы уточнить, верно ли были переданы его слова в предыдущем выпуске – подтверждение от самого собеседника было напечатано на первой полосе *Le Matin*. Таким образом, массовая пресса вполне успешно конкурировала с качественной при освещении военных конфликтов, не только осваивая новые жанры, но и обращая внимание читателя на достоверность сообщаемой информации.

Массовая пресса пыталась создать ироничное изображение Японии. Особенно отчетливо это намерение заметно в интервью от 7 февраля, озаглавленном «Восток в Париже» [20. С. 1]. Известный парижский репортер Гастон Леру подробно рассказал читателям, что по совету главного редактора он совершенно не готовился к разговору с японским и корейским посланцами в Париже и решил начать его с подсказанных редактором вопросов: «Пьют ли они кофе с молоком по утрам, книги какого автора предпочитают, имя любимой актрисы и что они думают о ревью Фолли-Бержер?» [20. С. 1]. Застав японского посла сразу после получения последних известий из Японии насчет конфликта с Россией и тут же начав расспрашивать его об искусстве, журналист не смог добиться от него ничего, кроме обещания «поговорить об этом как-нибудь в другой раз» [20. С. 1]. Корейский посол, не менее сосредоточенный на актуальной повестке, на подобные вопросы до комичного односложно. При отсутствии во французской прессе оскорбительных высказываний в

адрес какой-либо из сторон конфликта журналист массовой газеты ввел в рассказ о своем визите к министрам Японии и Кореи иронию, чтобы показать глубокое различие между европейскими и азиатскими нравами за счет наивности самого журналиста.

При этом в массовой прессе более заметное место, чем в качественной, отведено сопоставлению двух армий. Необходимо отметить, что в отличие от англоязычной прессы, которая нередко обращалась к «признанию как нации» [13. С. 122] одной из сторон конфликта, французская, скорее, привлекала слова экспертов, способных высказать более объективную оценку. Так, в статье «Русский солдат» он описан, с одной стороны, как «опасный противник прежде всего из-за строгой дисциплины» и «выносливости», а с другой – его слабыми сторонами становятся привычка к алкоголю, а также то, что «русские страдают от холода гораздо сильнее, чем мы»; «несмотря ни на что, русский дисциплинирован, слепо подчиняется своему командиру, он стойко перенесет лишения – без нашей веселости, конечно, но храбро. К тому же он хорошо экипирован» [21. С. 2].

Характеристику японским солдатам дал французский генерал Гюстав Педойя. Называя их «учениками Франции», он напомнил, что многие японские офицеры получали образование во Франции, а японские учебные заведения для военных созданы по модели французских. В числе наиболее серьезных качеств упомянуты следующие: «Он умерен в привычках, очень проворен, не поддается усталости, до безрассудства храбр и, помимо того, крайне воодушевлен патриотизмом». Все эти качества делают «из японской армии одного из самых серьезных противников» [22. С. 1].

Нацеленная «на широкую аудиторию (часто – миллионную), не имеющую высокого образовательного уровня» [2. С. 6], массовая газета нередко публиковала информацию познавательного характера, которая «способствовала эволюции менталитета, расширению кругозора читателей» [2. С. 12]. Отпечаток энциклопедичности замечен и на освещении рассматриваемого конфликта. Во многих публикациях подчеркивалось непонимание и незнание французскими читателями и самими журналистами Дальнего Востока и прежде всего Японии, которая до 1860-х гг. оставалась закрытой для европейских путешественников. Чтобы восполнить пробелы в знаниях читателей, *Le Matin* опубликовала две небольшие хронологии в выпуске от 10 февраля 1904 г., который сообщает о начале боевых действий и нападении Японии на Порт-Артур. Озаглавленные «Краткая история страны, о которой мы мало знаем», две публикации посвящены Японии и Корее.

Первая разбита на четыре раздела, в которых сгруппированы ключевые даты в японской истории, на взгляд французских журналистов: «Два века летаргии», «Пробуждение», «Приход к власти микадо», «Триумф европейских идей». Рубрика охватила несколько столетий: открывается эдиктом против христиан 1613 г., а завершается союзом с Англией в 1902 г. Вторая публикация разбита на четыре раздела по тому же принципу: «В полном варварстве», «Век

анархии», «Первые влияния из-за рубежа», «Пробуждение европейских идей» (хронологию открывает приход к власти первого императора правящей династии в 1392 г., а завершает заключение соглашения между Кореей и Японией о торговле в 1898 г.). Так, формировался образ закрытых восточных стран, благополучие которым приносит прежде всего открытость европейским идеям.

Стремление сохранить нейтралитет возможно проследить и в подходе французских газет к иллюстративному оформлению публикаций, связанных с освещением конфликта. Особенно это заметно именно на раннем этапе его развития, когда издания объясняли французской аудитории расстановку сил в регионе и перечисляли главных действующих лиц, от которых зависел исход конфликта. В данном аспекте больший интерес представляет анализ подборки массовых газет – качественные публиковали иллюстрации очень редко и в лучшем случае речь шла лишь о картах местности (за рассматриваемый период с 27 января по 10 февраля 1904 г. в *Le Figaro* опубликована лишь одна карта Порт-Артура [23. С. 1], а в более консервативной газете *Le Temps* – ни одной).

В отличие от качественных газет, массовые издания чаще всего публиковали портреты дипломатов, военачальников и правителей, уделяя особое внимание балансу в выборе иллюстраций: за данный период газета *Le Journal* напечатала портреты семи представителей Российской империи и восьми – Японии, газета *Le Matin* – четыре портрета представителей русской стороны, пять портретов представителей японской и портрет корейского посла в Париже. Равновесие сохраняется и на уровне расположения иллюстраций. Так, на первой полосе *Le Journal* 8 февраля, когда стало известно о разрыве дипломатических отношений между двумя странами, появилась публикация, композиционно строго разделенная на две части: в левой колонке портреты Николая II, адмирала Алексеева и барона де Розена, а справа – японский император, генерал Масатакэ Тэраути, министр японской армии, и барон Синъитиро Курино, японский министр в Санкт-Петербурге. Над левой частью статьи, озаглавленной «Разрыв между Россией и Японией», расположен российский двуглавый орел, над правой – японская хризантема. Подобным образом была организована публикация, появившаяся в тот же день на первой полосе в газете *Le Matin*. Разрыв русско-японских отношений был проиллюстрирован портретами трех лиц высшего командования России: адмирала Алексеева, генерала Куропаткин и адмирала Скрыдлов, ниже расположены портреты адмирала Сайто, командующего японским военным флотом, и генерала Кодама.

Существенная доля иллюстраций на тему русско-японского конфликта в массовых газетах носит познавательный характер и связана с их нацеленностью на расширение кругозора читателей. Газеты печатают изображения местных жителей («Маньчжурские крестьяне в национальных нарядах» [23. С. 1]), местные пейзажи вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали (типичное деревянное здание сибирского вокзала, мост через Енисей в Красноярске [24. С. 1],

вокзальный зал ожидания и снимок из окна вагона [25. С. 1]). Постепенно к ним добавлялись снимки войск (на второй полосе *Le Journal* – изображение русской пехоты и симметрично расположено клише того же размера с маневрами японской армии [23. С. 1]; русская пехота движется по путям Маньчжурской железной дороги [26. С. 1]; рейд у берегов Порт-Артура и поврежденный после японской атаки крейсер «Цесаревич» [27. С. 1]) и панорамные снимки будущего театра военных действий (панорама Владивостока и вид на бухту Золотой Рог, вид на улицу Владивостока в корейском квартале [28. С. 1]; панорамный вид на бухту и Порт-Артур [29. С. 1]. Картам также отведено заметное место во французских публикациях, однако массовые издания не ограничивались схематическим изображением региона, а предлагали читателям карты в необычном формате (крупная карта дальневосточного региона с высоты птичьего полета и с развернутой легендой [30. С. 1]) либо скорее с познавательной, чем информационной целью (так, газета *Le Matin* опубликовала четыре карты под заглавием «Как Россия увеличивалась в размерах с XIII века» [31. С. 1] в сопровождение к статье, где объяснялись причины, по которым война с Японией будет выгодна Российской империи).

Уже на раннем этапе развития конфликта между Россией и Японией возможно проследить приметы формирования единой информационной стратегии его освещения, разделявшей массовой и качественной прессой. Как на уровне текстов, так и на уровне подбора и организации иллюстративного материала позиции России и Японии освещаются по возможности равномерно и сбалансированно. Однако стремление подчеркнуть ультимативность заявлений со стороны Японии, отрезанность и закрытость страны от западной цивилизации позволяют сделать вывод о поддержке французскими изданиями в адрес Российской империи.

Французские репортеры – свидетели конфликта

Именно в 1904–1905 гг. французская пресса впервые опробовала новый для нее подход к освещению военного конфликта: ежедневно газеты перепечатывали депеши от телеграфных агентств (помимо французского агентства *Havas* и английского *Reuters*, «французским корреспондентам было предоставлено исключительное право на получение известий о ходе военных действий от Санкт-Петербургского телеграфного агентства» [13. С. 127]) и из прессы других стран, дополняя информационные сводки наглядным и подробным свидетельством корреспондентов с места событий. Поскольку эти свидетельства заложили основу репортажной журналистики во Франции и являются одними из самых ранних ее образцов, в данном исследовании мы рассматриваем их в качестве военного репортажа, а не отдельных корреспонденций с линии фронта. Обладая всеми жанровыми признаками (документальная точность и наглядность повествования, ярко выраженное авторское «я», нацеленность на крайне широкую аудиторию, выбор выразительных языковых средств), эти публикации от-

личаются и своеобразием, присущим прежде всего французскому восприятию жанра (подчеркнутая субъективность и стремление как можно точнее передать переживания и впечатления репортера с места событий; дробление репортажного нарратива наподобие романа-фельетона, каждая глава которого обрывается в кульминационный момент повествования; диалогичность репортажа и нацеленность на активную реакцию читателя на текст).

В конце января – начале февраля 1904 г. рекордное для французской прессы рассматриваемого периода число корреспондентов (более 10 человек) отправилось на Дальний Восток, чтобы освещать события, которые вот-вот должны были перерасти из противостояния на дипломатическом уровне в вооруженное столкновение. Среди них были представители качественных (Раймон Рекули из *Le Temps*, Шарль Петти из *Le Figaro*) и массовых газет (Пьер Жиффар, Жан Род и Марсель Смет из *Le Matin*, Людовик Нодо из *Le Journal*, Вильтар де Лагер из *Le Petit Journal*). Решение практически одновременно отправить на столь отдаленный от Европы театр военных действий такое существенное число журналистов означало, что во французской прессе ведущим жанром для освещения военных действий становилось наглядное свидетельство журналиста с места событий, так называемый большой репортаж (*grand reportage*). Кроме того, иметь собственного корреспондента на театре военных действий и ранее являлось показателем престижа издания и средством его продвижения среди конкурентов, опиравшихся преимущественно на депеши информационных агентств и перепечатанные из иностранных изданий сообщения.

Необходимо отметить, что и до начала Русско-японской войны французские корреспонденты уже бывали на Дальнем Востоке в составе французской армии во время завоевания Индокитая, а также во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг. к японской армии присоединялись журналисты газет *Le Temps*, *Le Figaro* и журнала *L'Illustration*. Однако тогда регулярнее на страницы газет информация поступала из официальных источников, часто – без подписи или под псевдонимом, а в большинстве случаев просто копировалась из депеш агентства *Reuters* и английских газет (прежде всего – из *The Times*). И в 1904–1905 гг. английская пресса имела преимущество перед конкурентами: согласно Картельному договору от 1870 г., этот регион Азии находился в сфере влияния британского агентства.

По этой причине французская пресса сделала ставку именно на военный репортаж с места событий, который к тому же позволял охватить максимально широкий круг читателей. Историк французской прессы М. Мартен выделяет следующие особенности этого жанра: «Состоящий из рассказов, подписанный именем уже известного всем журналиста, насыщенный личными впечатлениями, по форме он приближался к письму или даже к тем новостям, которые такие читатели легко могли бы услышать в привычной им среде – в кафе, квартале или в деревне» [5. С. 25].

Таким образом, читатели и сами журналисты рассматривали репортаж как текст, дублирующий офици-

альную информацию о происходящем. Репортажи строились как цельное повествование, разбитое на отдельные эпизоды-«серии». По композиции и стилю (авторы осознанно делали акцент не на оперативности сообщения, которому могли понадобиться недели и даже месяцы, чтобы добраться до Парижа с Дальнего Востока, а на уникальности авторской оценки происходящего и наглядность его описания) оно настолько приближалось к письмам, что подобную коммуникацию авторов с читателями допустимо называть эпистолярной.

Репортажи обычно помещались на первую полосу как в качественной, так и в массовой газете, однако именно в последней их оформление ярко выделялось на фоне прочих, более оперативных сообщений. Так, высокотиражная *Le Journal* сопровождала тексты своего репортера Людовика Нодо на дальневосточном фронте богатым иллюстративным материалом. Первый его подробный репортаж от 25 февраля 1904 г. занял ровно половину первой полосы: текст иллюстрировали изображение бухты Порт-Артура (редакция подчеркнула, что клише сделано самим репортером на месте), схематичным изображением русского броненосца «Ретвизан» и небольшим портретом самого журналиста. Таким образом, читатель мог не только наглядно представить себе театр военных действий, но и увидеть репортера, который к тому же оказался единственным французским корреспондентом, присутствовавшим при битве обстреле Порт-Артура: «Его письма, публикацию которых мы начинаем сегодня, представляют собой бесценный и уникальный документ для понимания войны, которая начинается на наших глазах» [32. С. 1], – подчеркивала редакция.

Однако в отличие от объективного документа, репортаж представлял собой глубоко личное свидетельство о событии – личность и судьба французского журналиста в «горячей точке» впервые стали главным предметом интереса для аудитории французской прессы. Об этом говорит уже внимание к положению корреспондента со стороны редакции, которая оповещала читателей о его всех его передвижениях на фронте. К примеру, когда в марте 1905 г. редакция газеты потеряла связь со своим журналистом, она незамедлительно сообщила об этом читателям: «В течение трех долгих дней (возможно, самых ужасных за эту кровавую войну) у нас нет новостей от нашего превосходного сотрудника Людовика Нодо. Чудесным образом ускользнув от японской кавалерии, взявшей было его в плен, специальный корреспондент *Le Journal* смог телеграфировать нам из Мукдена как раз в тот момент, когда успехи вражеской армии приобретали угрожающий характер. <...> Вопреки всем опасениям мы хотим надеяться, что, благодаря его энергичности, Людовик Нодо сумел добраться до Телина, где находится русский штаб» [33. С. 1].

Автор непосредственно присутствует в репортаже, принимая довольно активное участие в описываемом событии. Чтобы объяснить довольно широкому кругу читателей, многие из которых имели слабое представление о причине конфликта между странами и о ситуации на международной арене в целом, французский

репортер «в большей степени обращается к чувству самоидентификации со свидетелем, чем к познаниям (читателя. – А.С.) в географии или к политической культуре» [5. С. 25]. Все трудности войны объяснялись через простые и доступные читательскому пониманию переживания самого репортера. По этой причине даже в репортажах Раймона Рекули, корреспондента *Le Temps* (как уже было отмечено выше, газеты качественной и гораздо более консервативной, чем многие ее конкуренты), встречалось подробное и эмоциональное описание психологического состояния автора после обстрела накануне битвы под Ляояном: «С того момента, как начался обстрел, и вплоть до моего отъезда в Ляоян, я храню воспоминание о тех странных часах. Иногда мне казалось, что дни пролетают как минуты, а иногда они тянулись как годы. Мне казалось, что я жил, забыв о самом себе, своих нуждах, действиях, которые наполняют каждый день. Как я спал, да и спал ли вообще, когда отправлял телеграммы до самой зари и когда возобновлялись выстрелы? Где я ел? Что я делал между теми моментами сильных переживаний, которые навсегда отпечатались в моей памяти?» [34. С. 1].

Внимание читателя обращалось на уязвимость репортера, оказавшегося посреди театра военных действий. Если сопоставить «малые» репортажи (*petits reportages*) периода Франко-прусской войны, напоминавшие расширенные информационные заметки, и «большие» репортажи в форме корреспонденций периода русско-японской войны, то очевидным становится смещение фокуса в повествовании. В сообщениях Раймона Рекули для *Le Temps* заметно стремление репортера не столько выстроить строгую хронологию событий, сколько показать войну «изнутри», представить международный конфликт как личный опыт: «Мы движемся на север под тяжелым полуденным солнцем, не думая о том, что японцы за нами последуют. Я иду в толпе, и люди с трудом передвигают ноги в дорожной грязи. [...] Мы побеждены этой жарой – самой страшной, какую мне только довелось испытать, а измученные животные даже под ударами кнута отказываются идти дальше. <...> Не отходя от дверей, местные жители наблюдают за шествием русских – вчерашних победителей. Повозки виляют, пушки гремят по мостовой. Завтра на их месте будут японцы – другие повозки, другие пушки, привычный галдеж наемных рабочих, следующих за армией» [35. С. 1]. Достоверность репортажа усиливалась тем, что в сносках к публикации об отступлении русской армии к Ляояну репортер поименно благодарил французских миссионеров, без помощи которых у него «иногда не было бы хлеба, а еще чаще – крыши над головой» [35. С. 1].

Помимо наглядности и значимости личного восприятия факта, французский военный репортаж отличается особой композиционной и стилистической организацией. Описывая маневры русского флота, подобный которому прежде не принимал участия в европейских вооруженных конфликтах, корреспондент *Le Journal* создал набросок увиденного при помощи коротких предложений в настоящем времени: «Эскадра надвигается. Торжественное зрелище. Огромные суда один за другим медленно скользят в глубокой тишине

<...> // Эскадра движется. Чайки радостно взмывают в синее небо, солнце сияет, это солнце Средиземноморья золотит скованную холодом корейскую бухту. // Эскадра движется. Куда? Никто этого не знает, даже морские офицеры, которые руководят маневрами. <...> // Эскадра движется, грозная, пугающая, ужасная. На ней больше нет праздничных украшений, парадной мишуры. <...> Каждое судно вновь на военной службе, озлобленное, беспощадное, и каждое, ошестинившись длинными пушками орудийных башен и сооружений, похоже на хищного зверя» [32. С. 1]. Рефрен «Эскадра движется» задает ритм повествованию, нагнетая интригу. Совмещение в одном ассоциативном ряду контрастных образов (синее небо, солнце, чайки, военные корабли, «ошестинившиеся» орудиями) дробит репортаж на относительно самостоятельные эпизоды, представляя полную панораму увиденного журналистом.

Помимо военных действий, французские военные репортеры уделяли большое внимание культурно-бытовым особенностям региона, поэтому во многих изданиях публиковались репортажи с неким этнографическим уклоном. Так, в ожидании первого вооруженного столкновения корреспондент *Le Journal* крайне подробно описывал повседневную жизнь Порт-Артура: «В лабиринте прямых и грязных улочек можно встретить русских солдат в серых шинелях, маньчжурских кули, китайских ремесленников, английских, американских, немецких, французских торговцев, русских служащих в плоских фуражках, моряков на обочине, которые собираются в беспокойные и крикливые группы, напоминая мне о Тулоне, Шербуре или Портсмуте» [36. С. 1]; «Вот разносчики, продавцы фисташек и орехов; вот журналисты – английские, американские, русские, французские; они прогуливаются, глотая ветер и пытаясь распознать в нем привкус пороха». Репортер внимательно всматривался не только в лица прохожих, но и в сам город, в его архитектуру: «У каждого дома свой стиль. <...> Вот изогнутые эркеры английских коттеджей, вот готический замок со стрельчатыми сводами, вот особняк в духе Ренессанса, итальянская вилла, швейцарское шале <...>, китайский домик в виде пагоды. Нет, не будем о стилях. Их здесь слишком много!» [36. С. 2].

Такие описания приносили в военные репортажи элемент экзотизма, свойственного рассказам о путешествиях, хорошо знакомым французским читателям благодаря эпохе романтизма. Присматриваясь к прохожим и иронизируя над архитектурной пестротой города, корреспондент наполнял репортаж развлекательностью, которая была присуща именно массовой прессе, нацеленной на то, чтобы «скрашивать жизнь простых людей, отвлекать от серых будней и проблем повседневной жизни» [2. С. 16]. К этой же категории можно отнести репортажи Пьера Жиффара, который одним из первых французских журналистов отправился на Дальний Восток по заданию своей газеты *Le Matin*. Ему принадлежит серия наблюдений в основном о русской стороне конфликта, написанных во время путешествия по Транссибирской железнодорожной магистрали и охватывающих крайне широкий круг тем: от слухов о приближающейся войне до описаний сибирской архи-

тектуры, рассуждений об истории самой железной дороге и разнице парижских и петербургских нравов.

Заключение

Изучение подхода французской прессы к освещению войны между Россией и Японией 1904–1905 гг. проясняет вопрос, связанный не только с формированием новых жанров в прессе самой Франции. Стремление сохранять баланс на уровне текстового и иллюстративного материала, использование крайне широкой подборки информационных источников, а также дополнение заимствованных депеш и статей развернутыми репортажами от собственных авторов – все это говорит о том, что французские газеты избрали вполне конкретную информационную стратегию в отношении рассматриваемого конфликта. Она заключалась не в безусловной поддержке по отношению к российской стороне, а скорее, в стремлении к сбалансированному освещению военных действий и формировании представления о Дальнем Востоке как о регионе, нуждающемся в тесных связях с европейскими странами, что существенно выделяло Францию на фоне западной прессы, которая фактически единодушно поддерживала Японию.

При этом репортажи, аналитические статьи, а также иллюстрации способствовали формированию довольно четко очерченных образов России и Японии в глазах французских читателей. Если первая представлена как давний союзник Франции и проводник европейских идей в дальневосточном регионе, то Япония – как страна, провоцирующая вооруженный конфликт, закрытая от внешних влияний и нередко ущемляющая соседей. Однако специфика французского подхода к освещению конфликта заключается в том, что газеты все же представляли каждой стороне конфликта возможность выразить свой взгляд на ситуацию (самый очевидный пример – публикация интервью с послами России, Японии и Кореи в Париже и Лондоне) и привлекали самые разнообразные источники для ее анализа.

Существенное значение для развития европейской информационной печати имело увеличение доли репортажных текстов в массовой и качественной прессе Франции, где сам жанр репортажа о военных действиях начал активно развиваться со значительным опозданием по сравнению с другими европейскими странами, лишь когда настал переломный момент для национальной печати. Репортаж приобрел характер сообщения, не только дублирующего официальную информацию от правительства или депеши телеграфных агентств, но и дополняющего его яркими и наглядными зарисовками. Не противопоставляя себя информации, поступавшей по правительственным каналам, корреспонденты представляли собой альтернативный источник сведений, более доступных для понимания массовой аудиторией.

События Русско-японской войны 1904–1905 гг. вызвали к жизни новый тип репортажа и самого репортера. Научившись находить общий язык с массовой аудиторией, репортер превратился в посредника между читателем и миром, стремительно меняющимся в первые годы нового столетия; в автора текстов, имя которого достаточно прочно ассоциировалось с

каким-то определенным периодическим изданием; в героя, за приключениями которого читатели напряженно следили от номера к номеру, как за развитием увлекательного повествования, близкого к художественному. Военный репортаж стал одним из наиболее читаемых жанров в начале века в силу своей схожести с нарративом романов-фельетонов, прославившихся во французской прессе в XIX столетии.

Формирование военного репортажа является одним из важнейших этапов складывания национальной модели французского репортажа. Уже в самых ранних примерах жанра на первый план выступили те характеристики, которыми отмечены и репортажи времен Первой мировой войны и межвоенного периода 1919–1939 гг., получившего название «золотого века» французского репортажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникеев В.Е. История французской прессы (1830–1945). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999.
2. Захарова М.В. Эволюция массовой газеты во Франции. М. : Фак-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. С. 9–38.
3. Шереметьева П.Р. Зарождение и становление профессии журналиста во Франции (XVII–XIX вв.) // Медиаскоп. 2014. № 2.
4. Аникеев В.Е., Захарова М.В., Шарончикова Л.В. Создатели французских газет (XIX в.). М. : Фак-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 91–138.
5. Martin M. Les grands reporters français durant la guerre russo-japonaise // Le Temps des médias. 2005. № 4. P. 22–33. DOI: 10.3917/tdm.004.0022.
6. Martin M. Les grands reporters. Les débuts du journalisme moderne. Paris : Editions Louis Audibert, 2005.
7. Dupuy A. 1870–1871 la guerre la commune et la presse. Paris : A. Colin, 1959.
8. Delporte C. Les journalistes en France, 1880–1950. Naissance et construction d'une profession. Paris : Editions du Seuil, 1999.
9. Avenel H. Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours. Paris : Ernest Flammarion, 1900.
10. Feyel G. La presse en France des origines à 1944. Histoire politique et matérielle. Paris : Ellipses, 1999.
11. Martin M. Médias et journalistes de la République. Paris : Editions Odile Jacobs, 1997.
12. Воробьева Э.А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. С. 3–20.
13. Пышнограев П.В. Русский флот в информационном противостоянии в период русско-японской войны 1904–1905 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. С. 120–132.
14. Журавлева В.И. «Давид против Голиафа»: образ России в американской политической карикатуре периода русско-японской войны // США. Канада: экономика, политика, культура. М., 2007. С. 66–84.
15. BnF. Figaro. 2 Février. 1904.
16. BnF. Figaro. 8 Février. 1904.
17. BnF. Figaro. 7 Février. 1904.
18. BnF. Le Matin. 5 Février. 1904.
19. BnF. Le Matin. 6 Février. 1904.
20. BnF. Le Matin. 7 Février. 1904.
21. BnF. Le Matin. 8 Février. 1904.
22. BnF. Le Matin. 10 Février. 1904.
23. BnF. Figaro. 9 Février. 1904.
24. BnF. Le Matin. 1 Février. 1904.
25. BnF. Le Matin. 4 Février. 1904.
26. BnF. Le Matin. 2 Février. 1904.
27. BnF. Le Matin. 10 Février. 1904.
28. BnF. Le Journal. 1 Février. 1904.
29. BnF. Le Matin. 9 Février. 1904.
30. BnF. Le Matin. 5 Février. 1904.
31. BnF. Le Matin. 27 Janvier. 1904.
32. BnF. Le Journal. 25 Février. 1904.
33. BnF. Le Journal. 12 Mars. 1905.
34. BnF. Le Temps. 3 Novembre 1904.
35. BnF. Le Journal. 28 Février. 1904.
36. BnF. Le Temps. 29 Octobre. 1904.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 июня 2021 г.

The 1904–1905 Russo-Japanese War: Specifics of Coverage by French Correspondents in the Far East

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 44–52.

DOI: 10.17223/15617793/468/5

Anna D. Sabova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: annas89@mail.ru

Keywords: Russo-Japanese war; journalism; France; Far East; reportage.

The article aims at identifying the specific qualities of coverage of the war between Russia and Japan in 1904–1905 by French newspapers. The study is based on the publications in four of the leading French newspapers of the period (*Le Figaro*, *Le Temps*, *Le Journal*, and *Le Matin*) which are presented in Gallica, the online archive of the National Library of France (Bibliothèque nationale de France). Particular attention is focused on publications that reflect the early period of the conflict (27 January – 10 February 1904) and several episodes of the war (the shelling of Port Arthur in January–February 1904 and the battle of Liaoyang 24 August – 4 September 1904). The study of archival documents (a total of 15 issues of *Le Matin*, 15 issues of *Le Journal*, 10 issues of *Le Figaro*, and 2 issues of *Le Temps* that have previously been neither fully translated into Russian nor presented to the academic community) clearly demonstrates that the French newspapers followed one single communication strategy which was quite different from the other pro-Japanese European and American media. The study of hard news and interviews published on the early stage of the conflict reflects the attempts to create a positive image of the Russian Empire in the eyes of French readers, even though the analysed newspapers relied mainly on reports from English, German, and American newspapers and telegraph agencies. However, reportages, pub-

lished by a dozen of journalists sent to the theatre of operations in the Far East from Paris, were not only a part of this strategy to reinforce the positive image of Russian troops, they also created an objective picture and a deeply personal account of the event seen through the eyes of a war reporter – the identity and adventures of a war correspondent became, for the first time in the history of French press, a major subject of interest for the audience of the French press. Having examined in detail the publications of two quality newspapers (*Le Figaro* and *Le Temps*) and two newspapers for a wider audience (*Le Matin* and *Le Journal*) presented on the website of the Gallica archive, the author comes to the conclusion that the French press established a dual approach to war coverage in these years. Despite the great role of information from foreign newspapers and telegraph agencies, gradually, it is the reportage from French correspondents that becomes the leading genre in French journalism at the beginning of the 20th century. Articles describing the reporter's view of the war laid the foundation not only for war journalism but for reportage journalism in the French press as well. Therefore, this study analyses these publications as proper examples of the war reportage and not just as individual correspondence from the front lines. The case of the Russo-Japanese war coverage allows analysing the principles of the construction of belligerents' images in quality and mass newspapers as well as their communication strategy.

REFERENCES

1. Anikeev, V.E. (1999) *Istoriya frantsuzskoy pressy (1830–1945)* [History of the French Press (1830–1945)]. Moscow: Moscow State University.
2. Zakharova, M.V. (2013) *Evolutsiya massovoy gazety vo Frantsii* [Evolution of the mass newspaper in France]. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University. pp. 9–38.
3. Sheremet'eva, P.R. (2014) Zarozhdenie i stanovlenie professii zhurnalista vo Frantsii (XVII–XIX vv.) [The origin and formation of the profession of a journalist in France (XVII–XIX centuries)]. *Mediascope – Mediascope*. 2.
4. Anikeev, V.E., Zakharova, M.V. & Sharonchikova, L.V. (2012) *Sozdateli frantsuzskikh gazet (XIX v.)* [Creators of French newspapers (19th century)]. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University. pp. 91–138.
5. Martin, M. (2005) Les grands reporters français durant la guerre russo-japonaise. *Le Temps des médias*. 4. pp. 22–33. DOI: 10.3917/tdm.004.0022
6. Martin, M. (2005) *Les grands reporters. Les débuts du journalisme moderne*. Paris: Editions Louis Audibert.
7. Dupuy, A. (1959) *1870–1871 la guerre la commune et la presse*. Paris: A. Colin.
8. Delporte, C. (1999) *Les journalistes en France, 1880–1950. Naissance et construction d'une profession*. Paris: Editions du Seuil.
9. Avenel, H. (1900) *Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours*. Paris: Ernest Flammarion.
10. Feyel, G. (1999) *La presse en France des origines à 1944. Histoire politique et matérielle*. Paris: Ellipses.
11. Martin, M. (1997) *Médias et journalistes de la République*. Paris: Éditions Odile Jacobs.
12. Vorob'eva, E.A. (2009) *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 godov i obshchestvennoe mnenie Sibiri i Dal'nego Vostoka (po materialam vedushchikh mestnykh periodicheskikh izdaniy)* [The Russo-Japanese War of 1904–1905 and public opinion in Siberia and the Far East (based on materials from leading local periodicals)]. History Cand. Diss. Novosibirsk. pp. 3–20.
13. Pyshnograev, P.V. (2013) *Russkiy flot v informatsionnom protivostoyanii v period russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg.* [The Russian fleet in information confrontation during the Russo-Japanese war of 1904–1905]. History Cand. Diss. Voronezh. pp. 120–132.
14. Zhuravleva, V.I. (2007) “David protiv Goliafa”: obraz Rossii v amerikanskoy politicheskoy karikature perioda russko-yaponskoy voyny [“David against Goliath”: the image of Russia in the American political caricature of the period of the Russo-Japanese war]. *SShA. Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 10. pp. 66–84.
15. BnF. (1904) *Le Figaro*. 2 Février.
16. BnF. (1904) *Le Figaro*. 8 Février.
17. BnF. (1904) *Le Figaro*. 7 Février.
18. BnF. (1904) *Le Matin*. 5 Février.
19. BnF. (1904) *Le Matin*. 6 Février.
20. BnF. (1904) *Le Matin*. 7 Février.
21. BnF. (1904) *Le Matin*. 8 Février.
22. BnF. (1904) *Le Matin*. 10 Février.
23. BnF. (1904) *Le Figaro*. 9 Février.
24. BnF. (1904) *Le Matin*. 1 Février.
25. BnF. (1904) *Le Matin*. 4 Février.
26. BnF. (1904) *Le Matin*. 2 Février.
27. BnF. (1904) *Le Matin*. 10 Février.
28. BnF. (1904) *Le Journal*. 1 Février.
29. BnF. (1904) *Le Matin*. 9 Février.
30. BnF. (1904) *Le Matin*. 5 Février.
31. BnF. (1904) *Le Matin*. 27 Janvier.
32. BnF. (1904) *Le Journal*. 25 Février.
33. BnF. (1905) *Le Journal*. 12 Mars.
34. BnF. (1904) *Le Temps*. 3 Novembre.
35. BnF. (1904) *Le Journal*. 28 Février.
36. BnF. (1904) *Le Temps*. 29 Octobre.

Received: 18 June 2021